

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Книга седьмая.

Въ самой первый день 1802-го года возвратился я изъ Харькова въ Москву присутствовать въ Сенатѣ.

Весною очень заболѣли у меня ноги. Я собирался лѣчиться и въ лѣтній мѣсяцъ отдохновенія пользоваться деревенскимъ воздухомъ, прогуливаясь въ прекрасномъ моемъ Англинскомъ Саду въ подмосковной и въ немъ на Юнговомъ Острове *) у памятника Фенелону, герою моему, изъ первыхъ между мужами истинно-великими, питать свое сердце самыми для души цѣлительными чувствами нѣжной любви къ человѣчеству.

Съ большимъ утѣшеніемъ занимался я планомъ этой моей деревенской жизни, но нечаянное призваніе къ новой должности опечалило меня бывъ препятствомъ ему.

Меня выбрали совѣстнымъ судьей въ Москвѣ въ то время, какъ я не зналъ, что и выборъ производится. Я не хотѣлъ принять сей должности безъ соизволенія Государева, и всегда бы неохотно ее принялъ. потому что не предполагаю я возможности много въ ней успѣть дѣйствительнаго добра сдѣлать, однако, отказаться нельзя было, но при всемъ усиленномъ требованіи дворянства и настояннн губернскаго началь-

*) Рисунокъ этого острова и памятника Фенелону приложенъ къ № 4 Вѣстника Европы въ Февралѣ 1809-го года описаніе ихъ и всего Сада моего на стр. 298-й. Сдѣлано издателемъ Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, который отличается рѣдкими дарованіями въ литературѣ и чувствованіями прекраснаго сердца.

ства московскаго о вступленіи моемъ въ оную должность. не вступалъ я прежде, нежели извѣстна мнѣ будетъ о томъ воля Государева, по- чему и представленно ему было о семъ выборѣ отъ тогдашняго московскаго Военнаго Губернатора фельдмаршала Г. Салтыкова.

Для того не охотно принималъ я должность совѣстнаго судьи, что и подлинно въ судѣ семъ, съ наилучшимъ намѣреніемъ учрежденномъ, но въ правилахъ своихъ требующемъ еще, кажется, дополненія, не знаю я, что можно по сіе время основательно сдѣлать лучшаго, нежели во всякомъ другомъ.

Совѣстный судъ вообще судить такъ, какъ и всѣ прочіе по законамъ, и правила его: 1) человѣколюбіе, 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку, 3) отвращеніе отъ угнетенія человѣчества (учрежд. о губерніяхъ ст. 394):—суть тѣ же, которыя должны быть основаніемъ каждаго суда, и безъ коихъ правосудіе отправляться не можетъ. Уголовныя дѣла судятся въ немъ только почти объ однихъ малолѣтнихъ и по тѣмъ же указамъ. по которымъ дѣла сіи судились еще до учрежденія совѣстнаго суда.

Самый приличный совѣстному суду образъ сужденія былъ бы конечно по дѣламъ испытывать, такъ сказать, въ совѣсти побужденія къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждаго преступника жъ, и потому соразмѣрное опредѣлять каждому въ надлежащей степени наказаніе.

Но сіе невозможно, не говоря уже о томъ, что не достанетъ человѣческой пронизательности на точность таковыхъ испытаній и соображеній; невозможно—оное и потому, что въ законахъ бы требовалась для того рачительность и постепенность неестественныя. Не бываетъ конечно двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности соображать ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ.

Отъ сего то не рѣдко и случается, что два преступника. весьма различные по внутреннему расположенію къ одинаковому по внѣшнему своему виду, подвергаются равномѣрному наказанію законовъ, которымъ всѣхъ отънюдь различить и степеней опредѣлить невозможно. Иное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ всевидящій праведный судья, въ очахъ коего иногда преступникъ подъ мечемъ лю-

тѣйшей и по суду человѣческому самой справедливой казни, достойнѣе такого, коего честности и добродѣтелямъ по заключеніямъ же человѣческимъ сплетаютъ вѣнцы и хвалы поютъ.

Въ дѣлахъ тяжбныхъ рѣшенія совѣстнаго суда тогда только дѣйствительны, когда всѣ имѣющіе между собою тяжбу или довольны, или, когда которая нибудь сторона по миролюбію прекратитъ дѣло, безъ того же тщетенъ весь трудъ совѣстнаго суда и плоды наилучшихъ его рѣшеній бывають тѣ, что тяжущіяся безотчетно объявятъ на нихъ свое неудовольствіе и поведутъ свое дѣло надлежащимъ порядкомъ по законамъ, какъ будто бы въ совѣстномъ судѣ оно и не было.

Миролюбивые найдутъ способъ и безъ суда примириться между собою или судомъ посредниковъ который есть самый естественный и основательный совѣстный судъ. когда добрая воля судящихся избираетъ его и повинуетъ его заключеніямъ. А охотники до тяжбъ и лицемѣры, иногда съ тѣмъ именно пойдутъ въ совѣстный судъ, чтобъ протянуть и больше запутать дѣло, притворяясь при томъ и въ миролюбіи, и зная, что они, когда хотять, уничтожить могутъ все производство совѣстнаго суда.

Я думаю, что полезно было бы для нѣкотораго удержанія отъ напрасныхъ въ совѣстномъ судѣ начинаній дѣлъ и объявленій неудовольствія на справедливыя рѣшенія его, опредѣлить по крайней мѣрѣ тяжелый штрафъ, который взыскиваетъ съ тѣхъ, кои, будучи недовольны рѣшеніемъ совѣстнаго суда, пойдутъ куда по законамъ надлежитъ, и послѣ всѣхъ апелляцій окончательнымъ рѣшеніемъ обвинены будутъ.

Здѣсь по мнѣнію моему тяжелый штрафъ столько жъ можетъ быть полезенъ, сколько неумѣренный во всѣхъ судебныхъ и тяжбныхъ дѣлахъ прочими присутственными мѣстами по обыкновенному теченію производимыхъ можетъ судящихся иногда подвергать напрасно большимъ убыткамъ, и въ ободреніе неправой стороны устрашать отъ справедливыхъ жалобъ, а судей угрожать разореніемъ и чрезъ то честныхъ принуждать выходить изъ службы, или не входить въ нее, — а иныхъ торговаться съ тяжущимися и брать взятки вдвое за то. какъ рѣшить; да на расплату штрафа въ случаѣ, что такое рѣшеніе неутвердится высшимъ мѣстомъ, которое также небезпогрѣшно.

О злоупотребленіи неумѣренныхъ штрафовъ. опредѣленныхъ за неправильныя рѣшенія и неограниченныя законами пеней, произ-

вольно налагаемыхъ кстати при семъ впишу я голосъ, который подалъ я въ общемъ Собраніи Московскихъ Сената Департаментовъ, по случаю наложеннаго однимъ бывшимъ начальникомъ въ Москвѣ и ея Губерніи взысканія на присутствующихъ Московскаго Магистрата.

Голосъ сей, по предложенію Министра Юстиціи докладомъ согласившагося съ нимъ общаго собранія поднесенъ былъ Государю Императору съ тѣмъ, что неблагоугодно ли ему повелѣть комиссіи о составленіи законовъ принять сей голосъ мой во уваженіе для дальнѣйшихъ постановленій, на которой докладъ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе Его Величества. *)

Голосъ оный, есть слѣдующій:

1-е) „За нужное считаю возобновить дѣятельнѣйшія мѣры къ поддержанію начальниковъ Губерній и Губернскія правленія отъ преступленія предѣловъ власти ихъ и должности, законами опредѣленныхъ,— которое преступленіе есть источникъ всѣхъ въ Губерніи неправдъ, безпорядковъ и притѣсеній.

2-е) „При семъ же долгомъ поставляю, сообразя многіе опыты, сказать, чтобы точною соблюденія законовъ и самымъ существомъ правосудія, требовалось заключить взысканіе и наложеніе пеней и штрафовъ единственно въ тѣхъ случаяхъ и количествахъ, которыя именно и точно опредѣлены законами, строго отвращая опредѣленіе пеней въ количествахъ произвольныхъ и произвольное также обращеніе взысканій въ штрафъ на судей и чиновниковъ по такимъ дѣламъ, по коимъ оныя взысканія именно не повелѣваются законами.

„За упущеніе въ самомъ важномъ уголовномъ дѣлѣ и, можетъ быть, иногда умышленное, со стороны умысла недоказанное, чиновникъ наказывается выговоромъ, строже—нѣкоторымъ вычетомъ изъ жалованья, по крайней уже строгости отрѣшеніемъ отъ мѣста, а за погрѣшность и часто не умышленную въ производствѣ, сопряженномъ съ интерес-

*) Дѣло оное было по долговой претензіи купца Василія Девятова на Московскомъ мѣщанинѣ Григорьевѣ.—А жалоба отъ присутствующихъ Магистрата принесена была Сенату въ 7-й Департаментъ, въ коемъ произошли разныя мнѣнія и потому дѣло разсматривалось въ общемъ собраніи, гдѣ я подалъ оный голосъ. Докладъ же по сему голосу отправленъ былъ 17-го Іюля 1807-го года, а именное повелѣніе о препровожденіи голоса въ комиссію объявлено общему собранію 9-го Августа того же года.

нымъ искомъ можетъ вышесказаннымъ взысканіемъ не только самъ подвергнуться нищетѣ, но всего лишиться могутъ такого чиновника дѣти и наслѣдники, которые по мудрости въ Россіи законодательства Государскаго не лишаются имѣнія и за важнѣйшія Государственныя преступленія отцовъ и родственниковъ.

„Не могутъ въ наказаніе таковыми взысканіями сохраниться и равенство и единообразіе естественныя правосудію; ибо когда упущеніе не умышленно, то вина его равна, какъ въ дѣлѣ о маломъ такъ и о большомъ искѣ; но въ первомъ сдѣлавшій такое упущеніе наказывается почти не чувствительно, особливо при безбѣдномъ состояніи, а въ послѣднемъ и при самомъ иногда достаткѣ совершенному раззоренію и съ цѣлымъ семействомъ подвергается.“

„Тяжкія сего рода штрафы могутъ, утрашая благонамѣренныхъ и честныхъ, не неподверженныхъ, конечно, ошибкамъ, лишать службу полезнаго ихъ въ ней пребыванія, а злорасположенныхъ и лихоимцевъ побуждать къ большому удовлетворенію корыстолюбія, заставляя ихъ, собираясь на преступленіе незаконнымъ производствомъ, усугубить оное еще предвареніемъ чрезъ преступленіе же для запасу на то, чѣмъ бы было расплатиться за оное беззаконіе.

„Самымъ тяжкимъ лишеніемъ чести личное наказаніе лица виноватаго, справедливѣе, конечно, нежели одно денежное наказаніе, но въ такомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ лицомъ симъ повергаетъ въ бѣдствіе и невинныхъ дѣтей и родственниковъ.

„Я думаю, что къ лучшему исправленію туда подѣйствовать можетъ не столько тяжесть денежныхъ штрафовъ, отъ которой коварство лихоимства уклоняться найдетъ способы съ избыткомъ, и самая невинность часто пострадать можетъ, а честность, зная свойственную человѣчеству небезпогрѣшность и благоразумно не надѣясь избѣжать ея, будетъ страшиться службы, и совсѣмъ отъ нея удалиться; не столько говорю, тяжесть оныхъ штрафовъ и взысканій подѣйствовать можетъ къ лучшему и нелицепріятному судопроизводству, какъ постепенное по начальству и чрезъ разныя, учрежденіями уставленныя пути, вниманіе на теченіе, и производство дѣлъ, для сужденія и строгаго личнаго наказанія за пристрастія судящихъ, и для очищенія службы отъ таковыхъ, кои явнымъ невѣжествомъ, или малодушіемъ, если и не пристрастіемъ, вредятъ ей и оскорбляютъ святость суда.

„Напримѣръ: разнообразныя рѣшенія, ежели не всегда означаютъ умышленную неправду, то непремѣнно однако же обнаружива-

ють неспособность или невнимательность, дѣлающія недостойными званія судейскаго. Частое отступленіе отъ своихъ мнѣній и перемѣна ихъ, ежели и по нелицепріятству отъ сребролюбія производятся, то уже, конечно, или отъ неуваженія правды или отъ малодушнаго лицепріятія, уступчивости и боязни сильныхъ происходятъ, что столько же несовмѣстно почтенному характеру судейскому. Желательно, чтобъ на сіе больше обращалось вниманія и чтобъ учредились удобнѣйшіе способы къ обнаруженію оныхъ поступковъ заражающихъ судопроизводство.

„Я осмѣлился о семъ распространиться, считая долгомъ званія своего при всѣхъ случаяхъ откровенно и съ полнымъ усердіемъ дѣлать представленія, по мнѣнію моему, нужныя къ пользѣ правосудія и служенія Государственнаго. И гдѣ же приличіе и полезіе могутъ быть такія разсужденія, какъ не въ собраніи сего верховнаго правительствующаго судилища“.

Итакъ я ожидалъ соизволенія Государева на выборъ меня въ Москвѣ совѣстнымъ судьей. Неохотно готовая вступитъ въ эту должность и жалѣя, что она мнѣ помѣшаетъ далѣе прожить въ любезной моей подмосковной.

Но порученіе мнѣ другой должности, столько же нечаянное, отвело меня на нѣсколько лѣтъ отъ Москвы—и на край Россіи. Наканунѣ полученія о выборѣ въ совѣстные судьи представленія, Государь изволилъ подписать указъ о предсѣдательствованіи мнѣ въ комиссіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленій повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ.

Послѣ имѣлъ я счастье слышать изъ устъ самаго Государя, что онъ самъ избралъ меня къ сему порученію, зная,—какъ угодно ему было при томъ сказать,—мое безпристрастіе и любовь къ правдѣ и порядку.

И не слыхалъ я даже, что такая учреждается комиссія прежде, нежели получилъ указъ о ея мнѣ порученіи. при которомъ прислано было ко мнѣ начертаніе правилъ ея, обнародованныхъ напечатаніемъ на русскомъ и татарскомъ языкахъ.

Причиною учрежденія сей комиссіи были жалобы татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнію между собою и разными личностями

дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ высшихъ,— такъ, что сіе касалось и до играющихъ знатнѣйшія роли при дворѣ. Однимъ словомъ, сія комиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходитъ всегда тѣсняется и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романической Тавриды, потому, что при самомъ отправленіи ко мнѣ указа, ближайшіе по Государственнымъ дѣламъ къ Государю, писали ко мнѣ,—что Его Величество изволилъ поручить мнѣ сію комиссію, зная мое безпристрастіе, опытность и, особливо, *твердость*.

Хотя не имѣлъ я никакого понятія о положеніи крымскомъ, но тотчасъ увидѣлъ изъ присланныхъ ко мнѣ правилъ неудобство исполненія. Не могъ я, однако, никакъ сдѣлать о томъ представленія. не изслѣдуя и не удостовѣрясь на мѣстѣ.

Въ концѣ лѣта пріѣхавши въ Крымъ, открылъ я засѣданіе комиссіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣдѣнія и, по соображеніи съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденіе о всѣхъ неудобствахъ исполненія, какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я Государя о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Государь очень милостиво соизволилъ на пріѣздъ мой. И такъ я отправился изъ Крыма чрезъ Москву, въ которой просилъ я позволенія для дѣлъ своихъ прожить двѣ, или три недѣли, какъ и въ Петербургъ просился на самое короткое время. Но за особыми, кромѣ комиссіи отъ Государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ Февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ и въ Москву уже по начавшейся портиться дорогѣ, и не могъ въ ней больше пробыть 8 или 10 дней, а въ Петербургъ, на короткое то время пріѣхавши,—въ Мартѣ 1803-го года. выѣхалъ изъ него въ Августъ 1804-го.

Государь изволилъ принять меня съ отмѣнною милостію. Скоро по пріѣздѣ имѣлъ я честь у него обѣдать, и первыя слова его мнѣ были, что онъ съ особливимъ удовольствіемъ всегда дѣлаеть мнѣ порученія, и съ таковымъ же читаетъ всѣ мои бумаги. А харьковской поѣздки не забудеть никогда.

Представленія мои по комиссіи Государь изволилъ одобрить и найти достойными вниманія, но какъ сіе дѣло крымское, очень уважаемое Государемъ, трактовано было прежде въ Государственномъ со-

вѣтъ, въ коемъ и комиссіи основаніе положено, то угодно было Государю, чтобы и мои представленія разсмотрѣлъ Совѣтъ, при которомъ разсмотрѣніи я бы всегда въ немъ былъ.

Въ первое о семъ собраніе свое, Совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія всѣхъ предметовъ моихъ представленій и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все оное исполнить. Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія крымскихъ жителей немалого, конечно, мнѣ стоило труда. Замѣчательно, что весь планъ его случилось мнѣ придумать, прогуливаясь въ Таврическомъ саду.

Въ ту же мою бытность въ Петербургѣ, желая сдѣлать оборотъ въ долгахъ моихъ, просилъ я Государя о покупкѣ у меня въ казну деревни, и о пожалованіи мнѣ заимообразно денегъ. Записку о томъ, поднесенную Его Величеству, помѣщу я здѣсь, какъ такую, въ коей весьма справедливо и откровенно описаны всѣ причины моихъ долговъ, и какъ объясняющую самое нравственное мое расположеніе, кстати для сихъ историческихъ моихъ записокъ.

— „Дерзая испрашивать Всемиловствѣйшаго вспоможенія въ разстроеномъ состояніи моего имѣнія, нужнымъ считаю кратко разсказать исторію долговъ моихъ, съ простосердечіемъ и откровенностію, которая мнѣ свойственна, особливо предъ монаршимъ престоломъ.

„Не родился я, конечно, охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ни чемъ не жертвовалъ я страстямъ моимъ и слабостямъ; однако, жертвы мои имъ, если имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я дѣлать пировъ и праздниковъ и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже въ такія, какихъ меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ. Въ самыя малыя игралъ, не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія: какъ напротивъ никогда не подавалъ я бѣдному, безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ. Простодушно описываю правду.

„Съ одной стороны увѣренъ будучи, что частные люди очень могутъ содѣйствовать къ просвѣщенію Государства, и что всѣ попеченія

правительства, смѣю сказать, безъ сего содѣйствія не могутъ совершенно достигнуть въ томъ истиннаго предмета, а съ другой, любя страстно полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества, въ полезныхъ обществу наукахъ и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. — Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка, однако, не имѣвъ намѣренія употреблять ихъ безвозвратно. Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное несчастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ: то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получилъ за рубль.

„Всѣ тѣ издержки дѣлалъ я въ долгъ — и въ томъ былъ, конечно, очень неостороженъ. — Но не для того, чтобъ себя оправдывать, а чтобъ искренно сказать только, всему прямую и естественную причину, скажу: — что неосторожность оная во мнѣ происходила изъ одного источника съ тѣмъ, почему разумъ мой никогда не могъ удержать руки моей, какъ я говорилъ выше.

„Въ долгъ же все бралъ для того, что жилъ при отцѣ моемъ, который 92-хъ лѣтъ скончался въ 1797-мъ году, и хотя онъ былъ самый добрый и благодѣтельный отецъ, и любилъ меня, какъ только можно, однако, смотря на вещи по заключеніямъ своего времени, не только избыточнаго, но и многого необходимо нужнаго не давалъ на самое содержаніе, не отъ скупости, или нелюбви къ дѣтямъ, но точно по смерти свою вѣря, чтобъ рубля стоило то, за что въ новыя времена надобно платить десять, особливо такъ думалъ онъ въ послѣднія 11 лѣтъ его жизни, въ которыя онъ, лишась зрѣнія, не выходилъ изъ комнатъ и крайне ослабѣвалъ въ тѣлѣ; но память имѣя здравую до позднихъ часовъ жизни, самъ управлялъ и распоряжался имѣніемъ, не позволяя мнѣ съ братомъ никакъ въ томъ участвовать. Мы хранили покой его и нисколько не нарушали его волю. Даже необходимыя по пристойности времени для содержанія дома его издержки должно было дѣлать, скрывая отъ него, и въ долгъ. Очень дорого иногда стоило не допустить свѣдѣнія о долгахъ моихъ. Онъ былъ столь хорошаго расположенія, что мнѣ бы, конечно, простилъ и ничего бы не лишилъ меня, но для себя бы огорчился несносно.

„Между тѣмъ корыстолюбіе, съ которымъ я принужденъ былъ имѣть дѣло и повиноваться ненасытнымъ его требованіямъ, всѣми

возможными способами, пользовалось моими обстоятельствами: и как же надобно было возрастать долгамъ моимъ при такихъ трудныхъ оборотахъ и нѣкоторыхъ отмѣнно критическихъ положеніяхъ чрезъ многіе годы.

„Наконецъ, несмотря на все, не только не хотѣлъ я отослать моихъ кредиторовъ къ платежу въ бывшій вспомогательный банкъ, но получая билетами его платежъ отъ нѣкоторыхъ самыхъ тѣхъ, которые по нѣскольку лѣтъ должны были отцу моему, съ заплатою пяти указныхъ процентовъ, коихъ больше не бралъ онъ никогда:— что также, смѣю примѣтить, не очень обыкновенно.— Получая тѣ билеты, промѣнивалъ я ихъ и большія суммы на ассигнаціи, для уплаты своихъ кредиторамъ, которыхъ-бы безъ того ввелъ я конечно въ убытокъ, какъ и собою тутъ испыталъ: ибо я промѣнивалъ, или прибавлялъ, платя по 10-ти и 11-ти на сто;—лучше хотѣлъ я самъ понести убытокъ и разорительный, нежели не сохранить моихъ обязательствъ другимъ.

„Все, съ начала мною здѣсь сказанное, извѣстно большей части безпристрастной публики обѣихъ столицъ.

„Въ концѣ 1796-го и началѣ 1797-го года имѣлъ я вѣрные случаи нѣсколькими словами освободиться отъ своихъ долговъ, сохранивъ все имѣніе мое. Но хотя я думаю, что помощь отъ царскихъ щедротъ есть самая справедливая, однако, не могъ я воспользоваться тѣми случаями по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ моемъ,—говорить о себѣ и просить. А при томъ, хотя имѣлъ я честь отмѣнно лестно быть призванъ и принять; но я никогда не могъ и вообразить себѣ возможности просить даровъ и награды безъ заслугъ. Дѣла же мои, между тѣмъ, день ото дня больше разстроивались“.

„И теперь, при всемъ неописанномъ моемъ увѣреніи на самую благость, царствующую въ Россіи—посадившій Ее на престолъ видитъ съ какою прискорбностію прошу я о себѣ, и что ни слова бы не сказалъ я, если бы не крайность заставилъ. Прибѣгаю къ средству сему, чтобъ сохранить мою честь, которою дорожу я, въ видахъ любви къ правдѣ и челоуѣчеству, чтобъ упокоить жизнь мою, которую право я всегда провождалъ, и расположенъ провождать—или въ горячей любви къ престолу и отечеству, или въ усердной имъ службѣ, и чтобъ особливо сберечь какой нибудь кусокъ для моего брата, который не раздѣлялся со мною, но въ единственный, можетъ, примѣръ дружбы и

добродѣтели, всею своею частью знатнаго имѣнія безропотно жертвовалъ мнѣ на помощь.

„Крайность исторгла изъ меня и то изъясненіе о состояніи дѣлъ моихъ; я осмѣлился написать къ Государю Императору въ моей всеподданѣйшей просьбѣ изъ Тавриды о позволеніи пріѣхать сюда для представленій и прожить нѣсколько дней на дорогѣ въ Москвѣ. Довѣренность къ великой и щедрой душѣ его водила мою руку, и истинѣ ему первому во всю мою жизнь. говорилъ я о себѣ съ такою откровенностію.

„И по всему тому приступаю нынѣ къ просьбѣ; въ полной же откровенности скажу, что Всемилостивѣйшее къ ней вниманіе будетъ Государская милость для меня Великая, но дѣло щедроты Его тутъ будетъ справедливое. Я не прошу чрезвычайнаго, не прошу такого, чего бы безъ отличнаго благоволенія не получали служившіе не больше меня, не лучше и ужъ конечно не усерднѣе: ибо въ семь не уступаю я никому.

„Я прошу, чтобъ повелѣно было купить въ казну деревню, которую я имѣю въ Калужской Губерніи и проч. и чтобъ мнѣ пожаловать изъ кабинета въ займы 50 тыс. рублей и проч.

„Впрочемъ, предаюсь благоутробной волѣ Государя Императора и, повергаясь къ священнымъ стопамъ Монаршимъ, сердечною любовію лобызаю руки Александра Всемилостивѣйшаго, скажу, что дѣло вѣрнаго подданнаго и сына отечества по возможности всѣми силами служить Государю и отечеству, а Государю, отцу отечества, единственно принадлежитъ мудростію цѣнить заслуги и способности, благостію же щедроты своей опредѣлять милости“.

Подать сію записку принялъ на себя Графъ В. П. Кочубей, сей благоразумный, добронамѣренный, трудолюбивый Министръ, которому останусь я навсегда благодарнымъ за его обязательное ко мнѣ расположеніе.

Государь изволилъ отозваться, что онъ охотно благоволилъ бы исполнить мою просьбу;—но что онъ деревень въ этотъ годъ ни у кого не покупаетъ,—что денегъ въ кабинетѣ нѣтъ:—но, что давно угодно ему было оказать мнѣ милость пожалованіемъ хорошей аренды,—которую и пожаловалъ.

Подалъ я въ Государственный совѣтъ требуемое имъ отъ меня мнѣніе о крымскихъ дѣлахъ, и послѣ того мѣсяца три былъ я всякое собраніе въ присутствіи Совѣта.—Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали—наконецъ рѣшили.—Большинство голосовъ согласно было съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Государь изволилъ утвердить большинство голосовъ, но когда поднесены ему были для подписанія заготовленныя по тому бумаги, то онъ, не подписавъ ихъ, оставилъ всё у себя.

Государь разсудилъ особливо за неудобное то, что Совѣтъ полагалъ мнѣ оставаться только Директоромъ комиссіи и, присутствуя въ сенатѣ, ѣздить въ Крымъ, когда заблагоразсужу, или когда надобность того потребуеть. Мысль Государева была о семъ такая, что въ учрежденіи имъ комиссіи много участвовала милостивая довѣренность лично ко мнѣ, но что, если всегда я не буду тамъ на мѣстѣ, то Онъ не надѣется на успѣхи. И еще не могъ Государь никакъ согласиться на установленіе апелляціи на комиссію, о которой я представлялъ и сильно настаивалъ, говоря между прочимъ, слѣдующее:

—„Хотя за особливую честь себя поставляю ту высокую довѣренность, коею опредѣленъ я предсѣдательствующимъ въ такой рѣшительной комиссіи, которая есть конечно одно судилище, не имѣющее въ учрежденіи на себя апелляціи, однако по открывшимся на мѣстѣ причинамъ и по изъясненнымъ мною правиламъ пользы и правосудія, долгомъ любви къ правдѣ и благоустройству считаю представить, что нужно, справедливо и съ общимъ порядкомъ сходно,—учредить на комиссію апелляцію въ правительствующій Сенатъ“.

„Впрочемъ, и безъ того, по долгу правосудія, надобно же будетъ разсматривать жалобы на комиссію, коихъ нельзя, чтобъ послѣ не было, имъ отъ естественнаго многимъ ослѣпленія въ правахъ своей собственности, или подлинно на погрѣшности разбора, каковымъ въ дѣлахъ подобныхъ, я первый не имѣю самолюбія считать себя неподверженнымъ.—Надобно же будетъ принимать и разсматривать жалобы на комиссію; но безъ учрежденнаго порядка апелляціи, то будетъ смутно, для высшаго Правительства затруднительно: а для приносящихъ жалобы не только нисколько неудовольственно, ненадежно, но даже возмутительно быть можетъ, особливо для невѣжества и возженныхъ притязаній татарскихъ“.—

Учрежденіе въ концѣ прошлаго 1808-го года комитета для разсмотрѣнія рѣшеній комиссіи, вслѣдствіе разныхъ изъ Крыма жалобъ,

оправдало оное еще въ 1803-мъ году настоящее представленіе мое о учрежденіи апелляціи надлежащимъ порядкомъ.

Послѣ вышесказанной мною остановки дѣла, для котораго приѣхалъ я въ Петербургъ, еще мѣсяца три или болѣе не зналъ я, да и нѣкоторые изъ самыхъ ближнихъ къ Государю ничего же не знали о его участи.

Многіе не зная этого, а иные изъ такихъ, кои могли очень знать—и знали, толковали однакожъ, что я по своей охотѣ живу въ Петербургъ и чего-то добиваюсь. Много поводъ къ сему подалъ за-долго до того разнесшійся слухъ, что я буду Министромъ Юстиціи. Откуда онъ произошелъ, я и по сіе время не знаю, только онъ родился въ Петербургъ, и такъ распространился въ немъ, какъ бы и въ старой вѣщательницѣ Москвѣ. Но я никогда бъ и не желалъ быть онымъ министромъ, для того, что по мнѣнію моему ничьихъ глазъ и ушей не доставеть всего того прочитать и выслушать, что необходимо надобно въ семъ званіи, для истиннаго исполненія сей должности и для дѣйствительной пользы; не говоря о тѣхъ особливыхъ знаніяхъ и опытности въ разныхъ родахъ дѣлъ, которыя нужны министру Юстиціи.

Слуху оному вѣрили нѣкоторые знатные и весьма чиновные и для смѣху скажу, что онъ меня дарилъ иногда отмѣнными и очень примѣтными ласками отъ иныхъ изъ самыхъ такихъ господъ. Однако, слухъ сей и разные умножавшіеся при немъ обо мнѣ толки, сдѣлали, думаю, то, что и мнѣ тогда поскользче прежняго на паркетъ стало: хотя я никогда очень твердою ногою на немъ не стоялъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось. изъ обхожденія со мною тѣхъ, кои глядя на людей, составляютъ лица свои по справкамъ о фортунѣ ихъ при Дворѣ.

Но я былъ при томъ очень равнодушенъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, распространяя на всѣхъ ихъ смыслъ стиха:

Le crime fait la honte et non pas l' échaffaud.

Не казнь приносить стыдъ, а преступленіе.

Итакъ послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшейся, о участи рѣшеннаго въ совѣтѣ крымскаго дѣла—въ концѣ уже февраля 1804-го года вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя чрезъ министерство многіе пункты въ опроверженіе моихъ представлений и согласія

совѣта, содержаціе въ себѣ новое положеніе и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилежно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но, когда Ему угодно знать мое мнѣніе, то не могъ я чистосердечно сказать иначе, что все оное неудобно и съ прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общою государственною несогласно, и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

Тогда-то больше, нежели когда нибудь, заключили обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямецъ: и между министерства, при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: „что дѣлать съ нашимъ спорщикомъ Мартинистомъ?—противъ всего спорить“. Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ называется Мартинистомъ тотъ, кто вѣритъ Христу и Евангелію, а спорщикомъ—кто не соглашается на все изъ угожденія Двору и имъ не придакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю и столько настоятельно противъ того, что уже Государемъ учреждено и обнародовано.—Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были такіе, которые сравнивали меня съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Но я, ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее Государства благо, есть похищеніе истинной славы Государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянія, татья важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ безчестіемъ строго по законамъ, наказуемыхъ.—Впрочемъ для меня сдѣлать неправду въ судѣ, и не спорить, или не представлять противъ того, что мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть то же, что нѣкоторымъ иныя кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варить. Это во мнѣ какъ бы сказать, природный вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою. Это столько же мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые волосы.

Кстати о князѣ Я. Ѳ. Долгорукомъ, и о смѣлости и твердости патриотической.

Не хочу я конечно снять ни одного изъ неувядаемыхъ цвѣтотвъ, покрывающихъ почтенный прахъ сего знаменитаго мужа: но скажу откровенно, что разодраніе имъ указа Государева и удержаніе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленія Сенатскаго, которое Дол-

горуковъ неподписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненіи его указами, не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что раздралъ кн. Яковъ Ѳедоровичъ—это конечно не есть поступокъ великодушія, а запальчивости нрава, и въ такой степени, въ коей себя и преодолѣть неестественно. Слѣдственно такія дѣла и нехотя дѣлаются. Расположеніе жъ сіе нрава конечно поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія и нравомъ самого Петра Великаго, который ближнимъ позволялъ обходиться съ нимъ просто и свободно, иногда до крайности; а князя Якова Ѳедоровича онъ не только называлъ дядею, да и подлинно весьма близкимъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, которыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое жъ притомъ слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукаго?— Не исполнить по волѣ Государевой, для того,—чтобъ замѣнить это тѣмъ, что еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобенъ былъ Государю хлѣбъ;—Долгоруковъ, противясь средству къ тому назначенному,—представляетъ другое, которое удобнѣе и столько жъ скоро исполниться можетъ. Надобны были работники; Долгоруковъ, оспаривая сдѣланное о томъ распоряженіе, находитъ способъ имѣть также работниковъ и много выгоднѣе.

Это похоже на то, какъ бы на примѣръ: пріятель мой, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, писалъ при мнѣ къ деревенскому своему управителю, чтобъ въ самую трудную пору и прежде времени собрать въ оброкъ 10 т. рублей; а я бы вырвалъ у него письмо, издралъ и сказалъ ему: „Что ты дѣлаешь?—Вѣдь ты крестьянъ то разоришь! вотъ тебѣ 15, возьми у меня, онѣ теперь мнѣ не надобны, а послѣ мнѣ заплатишь.“ Можетъ быть въ первомъ движеніи пріятель, особливо нравомъ горячій, на меня и разсердился бы, но, конечно, скоро бы поблагодарилъ еще больше.

Смѣлость и твердость патріотическая истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляемъ того, кому представленія сіи дѣлаются оставлять любимыя его предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имъ замѣны—совершенно обнаруживая ихъ вредность: или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды, или погрѣшности политической. Однимъ словомъ, такія представленія, которыя въ корнѣ трогаютъ самолюбіе того, кому представляются. И чѣмъ далѣе отъ престола представляющій, тѣмъ почтеннѣе его

представленія, чѣмъ большей онъ при томъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе патріотъ-герой.

Наконецъ совѣтъ рѣшилось дѣло по моимъ представленіямъ о крымскимъ земляхъ. Издано дополненіе къ начертанію правилъ комиссіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи, а порядокъ производства дѣлъ и весь мой принять. Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ права собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось.

Весьма желательно, чтобъ по одному дополненію скорѣе все приведено было къ концу, съ точнымъ наблюденіемъ справедливости и должнаго удовлетворенія татарамъ и помѣщикамъ.

Знаю, что меня укоряли въ медленности дѣйствій комиссіи.—Не безъ основанія думаю, что сіе внушено было самому Государю. Были такіе вѣтреницы и въ знатныхъ постахъ которыя даже въ письмахъ увѣряли, что я продолжаю комиссію для того, что мнѣ выгодно жить въ Крыму и пріятно въ немъ властвовать;—и сіе писали въ то время. когда я, по самой убѣдительной моей просьбѣ къ Государю о увольненіи меня отъ крымской комиссіи, получилъ уже предварительное извѣстіе о Его на то соизволеніи. И такъ считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло комиссіи, но я уже скоро четыре года, какъ оставилъ ее, а она еще кажется не близка къ своему окончанію; не говоря о томъ, что еще только учредился комитетъ о пересмотрѣ ея рѣшеній, коихъ неприкосновенность и ненадобность подвергать апелляціи, такъ жарко защищали, при настояніяхъ моего мнимаго упрямства и споролубія.

Когда при отъѣздѣ изъ Петербурга откланивался я Государю, то Онъ очень милостиво изволилъ обойтись со мною. приказалъ мнѣ обѣдать за Его столомъ и послѣ обѣда, увѣряя меня въ лестной для меня надеждѣ Его Величества на мое усердіе и искусство, какъ изволилъ говорить, и любовь къ справедливости,—сказалъ, что наконецъ онъ видитъ, что нельзя такъ скоро кончить дѣлъ комиссіи и, съ отмѣнною милостью обнявъ меня, отпустить изволилъ.

Проживши нѣсколько времени въ Москвѣ по Высочайшему дозволенію, возвратился я въ Крымъ въ концѣ 1804-го года, и приступилъ къ распоряженію производствъ комиссіи, по изданному вновь

дополненію къ ея правиламъ. Тяжбы еще не рѣшились, ибо предварительно надобно было дѣлать вызовы тяжущимся и выжидать сроки на явку ихъ и документовъ. И я, ежели никакимъ рѣшеніемъ не одолжилъ никого, то ни однимъ же никого и не обидѣлъ, а Государственной интересъ сохранилъ самый важный: справедливость и порядокъ.

Между тѣмъ, не могъ я никакъ по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ оставаться въ Крыму, въ который разъ и поѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ побывъ тамъ нѣсколько времени, для исполненія воли Государевой, непременно просить увольненія отъ комиссіи и чрезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Крымъ, послалъ я о томъ въ собственные руки прямо къ Государю письмо. Ни одинъ человекъ не зналъ въ Крыму, что я прошусь изъ него.

Я просилъ Государя наубѣдительнѣйшимъ образомъ, писалъ къ Нему.

„Воля Вашего Императорскаго Величества для меня священна но на колѣняхъ предъ Вами признаю, Государь, что оставаться здѣсь было бы для меня тяжкое несеніе долга, а не то радостное исполненіе, съ коимъ я всегда стремился исполнять волю моего Государя и особливо Александра Великаго, благостью восхищающаго меня, и тѣмъ мудрымъ правленіемъ, предъ которымъ я благоговѣю, и которое насаждаетъ блаженство въ моемъ отечествѣ“.

„Дѣла комиссіи здѣшней нѣсколько лѣтъ должны производиться непременно, какъ я неоднократно доносилъ Вашему Императорскому Величеству по справедливости, которую говорить предъ Монаршимъ престоломъ считаю я обязанностію первую въ служеніи Ему. Но самое нужное и главное сдѣлано. Правила учреждены, и я имѣлъ счастье и смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству надобность того преобразованія оныхъ, которое требовалось пользою края, пользою общему Государства, и честью Имени Вашего. Впрочемъ, Государь, готовъ я всю жизнь мою истощить на службу Вашего Императорскаго Величества, но отсюда прошу всеподданнѣйше увольненія“ и проч.

Отправя свою просьбу, ѣздилъ я для нѣкоторыхъ обзорнѣй по нагорной сторонѣ Крыма и наслаждался зрѣлищемъ сего неописаннаго собранія многихъ тысячъ величественныхъ, предельныхъ, уясныхъ и

восхитительныхъ картинъ представляющихся во всей изящности разнообразія натуры.

На страстной недѣлѣ говѣлъ я и причащался въ Георгіевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая страшными романическими скалами пустыня, на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря. Въ сіи истинно мирные дни моей жизни, составилъ я книжку, напечатанную подъ именемъ: *Отрывки для чтенія върующихся*, которую посвятилъ другу моему Архіерею Черниговскому Михаилу.

Послѣ сладостныхъ сихъ дней послѣдовали горькія предчувствія печали, коею поразило меня скоро полученное извѣстіе о смерти роднаго брата и друга ближайшаго: онъ былъ образецъ честности и любви братской. Во всю жизнь нашу не выходили мы за порогъ въ досадѣ другъ на друга.

Долго не получалъ я никакого отвѣта на мою просьбу. Мѣсяца черезъ два получилъ отъ Графа Кочубея письмо, коимъ онъ меня увѣдомилъ, что Государь соизволяетъ на мое увольненіе; но воля Его есть, чтобъ я остался въ Крыму до назначенія преемника, коего выборомъ Его Величество затрудняется.

Потомъ еще мѣсяца чрезъ два обрадованъ я былъ полученіемъ слѣдующаго рескрипта:

„Иванъ Владиміровичъ! Получивъ въ свое время прошеніе Ваше объ увольненіи Васъ отъ пресѣдательства въ комиссіи о разборѣ крымскихъ земель, указомъ, вмѣстѣ съ симъ правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ я Васъ отъ сей должности уволить предоставляя вамъ присутствовать по прежнему въ правительствующемъ Сенатѣ.

Удовлетворяя симъ желанію Вашему, я считаю справедливымъ поблагодарить васъ за Ваши труды, и изъявить Вамъ мое сожалѣніе, что долге не могли ихъ продолжать. Пребываю къ вамъ благоклонный.

На подлинномъ: Александръ.

Въ С. Петербургѣ

1-го Іюля 1805-го года.

Въ послѣднихъ словахъ сего рескрипта, хотя и очень милостивыхъ, примѣтилъ я однако неудовольствіе Государя на то, что я

просилъ увольненія отъ комиссіи. Примѣчаніе мое и подтвердилось послѣ; но я спокоенъ былъ, для того, что просился не по недостатку усердія, а по совершенной невозможности долѣе оставаться въ Крыму, гдѣ и необходимости въ пребываніи моемъ для истинной пользы не было. О семъ при нѣкоторомъ случаѣ откровенно изъяснился я и Государю.

О выѣздѣ моемъ изъ Крыма жалѣлъ тамошній народъ, который очень полюбилъ меня. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ противъ него защищать по справедливости право дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не только меня любятъ.

Но тамошніе жители почти вообще конечно довольны мною. Не довольны были только тогдашніе начальники губерній, потому что пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало; и особливо они досадовали на меня за то, что я вступился за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцовъ и при томъ оговорѣ въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному Мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрьмѣ, срамили, вода по городу какъ важнаго преступника.

По званію сенатора, принявъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, обратилъ я вниманіе суда на сдѣланныя невиннымъ истязанія, которыя изслѣдованіемъ изобличены.—Между тѣмъ я представилъ Сенату и дѣло вошло въ него.

При слушаніи сего дѣла присутствовалъ уже я, возвратясь въ Москву, опять въ 6 департаментъ. Я далъ голосъ о защитѣ и воздаяніи невинности и о поступкѣ по строгости законовъ съ тѣми, кои, гоня ее, столь много ихъ нарушали. Нѣкоторые согласились со мною, а иные съ Военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ тамъ гражданскою частію, который въ своемъ представленіи всячески старался навлекать подозрѣніе на невиннаго Джантемиръ Мурзу и обвинять вклепавшихъ на себя отъ пытки. Пошло дѣло въ общее собраніе.—Лишь только оно въ него вступило—получается рапортъ, что подлинныя воры найдены, а всѣ оныя мученики таврическаго начальства нисколько виноваты не были.

Въ общемъ собраніи оставалось мнѣ только удержать свой прежній голосъ. Съ нимъ, тѣми или другими словами, согласились въ

общемъ собраніи всѣ: только я слышалъ, что смѣялись нѣкоторые тому что я на высланной мною изъ дѣла запискѣ (ибо тотъ день я въ присутствіи не былъ) написалъ: „радуюсь, что наконецъ столь торжественно оправдалась невинность, которую имѣлъ я счастливый случай защищать,—остается мнѣ только сослаться на прежній мой голосъ въ Департаментѣ данный“ и проч... Смѣхъ надъ этими словами означаетъ немилость моихъ ко мнѣ товарищей, которую также я не заслужилъ какъ Джантемиръ Мурза не заслуживалъ тюрьмы,—а если смѣялись безграмотные—то жаль ихъ.

Еще вотъ что странно: оправданіе мертвѣго каласа читаютъ съ восторгомъ,—а что свои безпокровные бѣдняки живые сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны,—это дѣло кажется очень неважнымъ и сдѣлается по немъ что нибудь развѣ потому, что ужъ нельзя иначе, или когда нѣтъ никакой опоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали.

Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ. калась и Франція,—а здѣсь Джантемиръ Мурза, поселяне Мухинъ съ Гласовымъ и русская таврида?

Впрочемъ я удивляюсь, какъ можно защиту невинности и великимъ дѣломъ почитать.—Это дѣло должно быть самое натуральное. Не защититъ невинность когда можно, есть адекая холодность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое нибудь побужденіе.

Въ сентябрѣ 1805-го года возвратясь въ Москву началъ я присутствовать попрежнему въ пятомъ Департаментѣ Сената, который тогда уже былъ переименованъ 6-мъ уголовнымъ.

Но въ Департаментѣ семь нашель я уже не попрежнему. Въ строгое, какъ говорятъ, время Павла I-го и въ 1-й годъ царствованія благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ Александра, въ которомъ отлучился я изъ присутствія онаго департамента, старались общими силами, сколько можно облегчить несчастную судьбу судимыхъ: но тогда уже, напротивъ, стремились осуждать сколько можно строже, и не только нисколько не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ способы къ пощадѣ челоуѣчества, но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зрѣнію и разсудку.

Напримѣръ: были споры о томъ, чтобъ не на недѣлю, а на мѣсяць продержать въ смиренномъ домѣ. Основаніе такого спора столько жъ трудно доказывать, сколько излишне распространяться о его неосновательности.

Были голоса, чтобъ сѣчь по жеребью десятаго; хотя и прежде подобныя рѣшенія случались, но надобно, конечно, признаться, что напрасно и придумывать искать тому причинъ въ законной, или естественной справедливости.

Было дѣло, что уѣздный судъ по догадкамъ заключилъ нѣсколько человѣкъ наказывать нещадно кнутомъ и со всѣми обыкновенными законами вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Палата, ревизуя нашла, что по законамъ никакъ нельзя приговорить къ такой казни, ибо судимые не признались и нѣтъ противъ нихъ такихъ доказательствъ, которыя бы исключали всю возможность къ ихъ невинности; (да и едва ли можно, когда рѣшиться, не опасаясь ошибки, утвердить такія доказательства. по одному изслѣдованію обстоятельствъ. если строго соображаться при томъ съ совѣстью и съ правилами основательнаго разсужденія), но чтобъ не поощрить къ непризнательности, палата полагала сослать тѣхъ людей по крайней мѣрѣ на поселеніе; но и того, говорила она, по законамъ сдѣлать не можно; ибо они въ по-вальномъ обыскѣ неопорочены; а съ мнѣніемъ своимъ о томъ, съ коимъ согласился и Губернаторъ. представила Сенату.

Что жъ Сенатъ сдѣлалъ?—Большая часть утвердила заключеніе уѣзднаго суда; я съ своей стороны далъ голосъ, что не слѣдуетъ и разматривать такого дѣла, по коему и приговора законнаго не сдѣлано, и что его должно возратить въ Палату съ выговоромъ ей и Губернатору; ибо спрашиваться дозволяется о томъ только, на что нѣтъ законовъ, а на всѣ уголовныя и сему подобныя дѣла, законы весьма ясны и достаточны. Итакъ, чтобъ она сама прежде поставила надлежащее по оному дѣлу рѣшеніе, которое и будетъ имѣть теченіе законное.

Споръ этотъ былъ, помнится, послѣдній отъ меня въ 6-мъ Департаментѣ. и къ удивленію, конечно, ни одинъ не произвелъ въ немъ больше пустого противъ меня шума.

Много участвовало уже тогда въ такихъ несогласіяхъ, учрежденіе раздачи прежде слушанія дѣлъ извѣстныхъ изъ нихъ записокъ.—Въ

собраніяхъ Сената уже не разсуждали объ дѣлахъ, а высылали записки съ мнѣніями на скорую руку написанными; или пріѣзжали съ готовыми въ засѣданіе и, не обременяя себя дальнѣйшими разсужденіями. соглашались съ большимъ числомъ мнѣній, или съ кѣмъ больше понравится (я имѣлъ честь не быть уже въ такихъ угодныхъ) или весьма съ предложеніемъ оберъ-прокурора, и тому подобными отношеніями.

Впрочемъ утвержденіе сихъ записокъ весьма полезно, если бѣ всегда сохранялась прямая цѣль его: и оно какъ учрежденіе консультаціи, дѣлаетъ честь предприимчивому, къ общему благу усердному министру и большому генію-поэту, который представлялъ о сихъ учрежденіяхъ. Скажу только, что не соблюлъ онъ тутъ должной вѣжности къ формѣ, которая, однако, во многомъ заслуживаетъ священнаго уваженія.

Такимъ перемѣнамъ въ Сенатѣ прилично выходить по Именнымъ подписаннымъ указамъ, а не по докладамъ министровъ, или Генераль-Прокуроровъ. Доклады пристойно министрамъ подавать о тѣхъ Департаментахъ, коими они управляютъ; а Сенатъ Государь удостоиваетъ своимъ предсѣдательствомъ, и конечно Ему извѣстно должно быть особливо все, что относится къ образу производствъ и правилъ Сената, который есть то верховное правительствующее судилище, коего распространеніе правъ внесено и въ хронологію вещей достопамятныхъ.

Но не министръ оный началъ, и не онъ послѣдній не соблюдалъ той, по мнѣнію моему, почтенной вѣжности, о которой я сказалъ.

Итакъ вышесказанная мною новость въ 6-мъ Департаментѣ очень затрудняла меня. Я выбралъ самую, по мнѣнію моему, лучшую въ такихъ случаяхъ сторону, омывая по крайнѣй мѣрѣ свои руки, и подавая голоса крѣпко держался ихъ, какъ и всегда.

Иные соглашались со мною, но если бѣ и никто не соглашался, то это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ справедливаго мнѣнія. Мнѣ часто говаривали (что сладко и повторять?) „вѣдь—не будетъ же по твоему“. Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей потому, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ?

Однако, больше нежели вѣроятно, что оные споры мои были причиною, что при новомъ росписаніи сенаторовъ, очутился я въ 8-мъ

Департаментъ, въ которомъ слишкомъ довольно сенаторовъ было, и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки.

Хотя Министръ Юстиціи на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему, отвѣчалъ мнѣ: „что самъ Государь изволилъ меня назначить— а онъ только тому радовался, желая, чтобъ всѣ лучшіе Г. Г. Сенаторы были въ апелляціонныхъ Департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ“, но я не могу повѣрить, чтобъ сей родственникъ и, впрочемъ, конечно доброжелатель мой, не участвовалъ въ томъ переводѣ меня и съ своей стороны. Отдавая всю справедливость сему отлично проицательному, опытному въ службѣ и дѣятельному министру, знаю однакожь, что неуступчивые очень ему неприятели.

Сначала недолго я присутствовалъ въ 8-мъ Департаментѣ. Особое порученіе отлучило меня на нѣсколько мѣсяцевъ отъ Москвы.

